

Вэнь Цзыцянь, услышав это, пришёл в ярость, его глаза буквально загорелись огнём. Развернувшись, он, не оглядываясь, поднялся наверх и ворвался в свою комнату.

Приняв горячий душ и согревшись, он начал сожалеть о своих действиях. Зачем он отказался от еды? Зачем так поступал с собой?

Он сидел перед ноутбуком в льняной пижаме, вытирая полотенцем волосы. Его каштановые волосы были немного длинными, пряди свисали ниже ушей.

На экране компьютера шла запись его пятилетнего дня рождения. Мама держала не самый изысканный, но аппетитно выглядящий торт и, обращаясь к камере, говорила:

— Моему малышу пять лет. Желаю тебе расти здоровым, мама тебя любит.

На торте горели пять тонких разноцветных свечей, их пламя слегка колыхалось, освещая молодое и красивое лицо женщины.

В животе раздалось урчание. Видимо, даже мамина любовь не могла утолить голод. Юноша уже чувствовал, как живот прилипает к спине.

Кто-то постучал в дверь. Он обернулся, взглянул на дверь и подошёл, чтобы открыть. В комнате был постелен светло-коричневый длинноворсовый ковёр, и босиком по нему было мягко и приятно.

Открыв дверь, Вэнь Цзысюань, изогнувшись, как котёнок, проскользнула под его рукой.

Вэнь Цзыцянь закрыл дверь и, повернувшись, с улыбкой спросил:

— Не спишь в такое время? Опять зашла в гости?

Вэнь Цзысюань, глядя на ярко-голубые глаза старшего брата, поправила немного растрёпанные волосы и, моргая, сказала:

— Старший брат, ты такой красивый, даже красивее, чем те звёзды.

Вэнь Цзыцянь подошёл, обнял её за плечи, и они сели за компьютерный стол. Он улыбнулся:

— Твой язычок становится всё слаще. Говори, что случилось? Опять хочешь, чтобы я сделал за тебя домашку?

Вэнь Цзысюань покачала головой:

— Нет, я уже всё сделала.

Повернув голову, она увидела на экране прекрасное лицо Ли Цзясюэ, её красивые и соблазнительные глаза-персики, а также ярко-голубые глаза, которые не соответствовали азиатскому облику.

— Опять смотришь на тётю Ли? Старший брат, ты скучаешь по маме?

Вэнь Цзыцянь полуприкрыл глаза. Настольная лампа излучала желтоватый свет, падавший на его лицо, освещая чётко очерченные ресницы. Его глаза были точь-в-точь как у женщины на экране — узкие, с чуть приподнятыми уголками, с густыми и длинными ресницами. Красивые очертания глаз напоминали изысканную шкатулку, в которой хранились два редких сапфира.

Эти глаза, один лишь взгляд на которые оставлял неизгладимое впечатление.

Даже высокомерный Вэнь Юаньхан не был исключением.

У него была лишь одна восьмая часть английской крови, унаследованная от прадеда. Его внешность была больше азиатской, но черты лица были слегка отточены этой каплей чужой крови, что делало их более чёткими. В сочетании с красивыми глазами и каштановыми волосами даже в юном возрасте он уже излучал аристократическую харизму.

Он тихо закрыл ноутбук и улыбнулся, ничего не сказав. Он редко упоминал Ли Цзясюэ дома. Он прекрасно понимал, что в этом доме для этой несчастной женщины не было места. Глядя на чистые глаза Вэнь Цзысюань, он подумал, что однажды и она вырастет, станет понимающей и изменится под влиянием мира. Тогда она уже не будет так близка с ним.

— Ты что-то хотела?

Он сменил тему, не желая углубляться в этот разговор.

Напоминание брата заставило Вэнь Цзысюань вспомнить о цели своего визита. Она быстро достала из большого кармана пижамы два пирожных и, словно сокровище, сунула их ему в руки:

— Ешь, они очень вкусные.

Вэнь Цзыцян держал в руках два смятых пирожных, чувствуя теплоту в сердце. Когда его в шестилетнем возрасте забрали в семью Вэнь, Цзысюань только родилась. В то время он не мог терпеть всех членов семьи, особенно Пань Цинь и её детей. Из-за мелких разногласий он даже подрался с Вэнь Цзыи. Из-за того что плач Цзысюань раздражал, он тайком щипал малышку за ножку. Конечно, каждый раз его наказывали, заставляя стоять в углу, и со временем он стал ненавидеть этих двоих.

Но с того момента, как Вэнь Цзысюань начала лепетать и делать первые шаги, она полюбила своего красивого старшего брата. Возможно, её привлекли его необычные глаза, а может, та связь, что была в их крови. Неважно, как холодно он с ней обращался, после слёз она снова бесстрашно тянулась к нему.

Чистая душа, как семя, пустила корни в тёмных уголках сердца юноши, раздвинув мрачное небо и пролив свет.

Он поднял руку, погладил голову младшей сестры, и в его глазах появилась нежная забота, мягко окутавшая Цзысюань.

— Спасибо. Уже поздно, иди спать.

Он проводил сестру до двери её комнаты. Не то чтобы он не хотел задержать её и поговорить, но он знал, что Пань Цинь не любит, когда она слишком много общается с ним, словно подозревая его в дурных намерениях. Если она задержится в его комнате, девочку снова отругают.

— Хватит?

Спросила Цзысюань, её круглое лицо светилось милой улыбкой.

Вэнь Цзыцянь кивнул:

— Иди в свою комнату, а то мама увидит и снова тебя отчитает.

Цзысюань оглянулась по сторонам и, убедившись, что никого нет, крадучись вернулась в свою комнату, оформленную в стиле Hello Kitty, с мечтательной девичьей атмосферой.

Вэнь Цзыцянь проводил её взглядом, пока она не исчезла из виду, закрыл дверь и сел за стол, взяв пирожное. Обычно он не любил сладости, считая их приторными, но сейчас сладость проникла прямо в сердце.

В доме Вэнь сегодня было особенно шумно. Управляющий Чжан Шунь то и дело командовал рабочими, подстригавшими деревья и кусты, то распоряжался слугами, расставлявшими тарелки. Он был занят по горло.

Вэнь Юаньхан устраивал дома небольшой приём, пригласив несколько близких друзей из бизнеса и политики.

Гул машин доносился до спальни. Вэнь Цзыцянь зарылся в одеяло, но шум всё равно мешал ему уснуть. Он встал, умылся и собрался позавтракать.

После сна хрупкое чувство собственного достоинства юноши полностью исчезло. Голод пробудил в нём инстинкты, и, несмотря на всю обиду и несправедливость, он понял, что есть нужно.

Однако, чтобы поесть, придётся потерпеть.

Его шестое чувство никогда не подводило. Только спустившись вниз, он услышал спокойный, но холодный голос Вэнь Юаньхана:

— Я думал, ты сегодня продолжишь голодовку в знак протеста.

Вэнь Цзыцянь внутренне кипел, но на лице сохранял спокойствие. Он подошёл и почтительно сказал:

— Вчера я ошибся, папа.

Вэнь Юаньхан закрыл документ, взглянул на него. Видя лицо, так похожее на Ли Цзясюэ, его гнев утих на семь частей. Он кивнул:

— Иди завтракать. Тебе уже шестнадцать, пора бы повзрослеть. Впредь не капризничай. Вчера тётя Пань и твой брат с сестрой ждали тебя до восьми вечера. Разве ты не должен быть благодарен за это?

Благодарен, мать твою! — мысленно выругался Вэнь Цзыцянь, но вслух покорно ответил:

— Хорошо.

Вэнь Юаньхан удовлетворённо кивнул, увидев, как Пань Цинь спускается с детьми. Зная, что мальчикам в этом возрасте важно сохранить лицо, он не стал читать нотации при всех и просто сказал:

— Ешь.

Вэнь Цзыцянь ел аккуратно, не спеша, но и не останавливаясь.

Вэнь Юаньхан закончил и ушёл, Пань Цинь закончила и ушла, Вэнь Цзыи закончил и ушёл, Вэнь Цзысюань закончила и ушла... А он всё ещё медленно отправлял в рот ложку за ложкой овсяной каши. Видимо, голод подростка в период роста был слишком силён.

Вэнь Цзыи, прогулявшись по саду, вернулся и увидел, как Вэнь Цзыцянь подносит миску ко рту, чтобы допить остатки каши. Он фыркнул и язвительно произнёс:

— Свинья.

Вэнь Цзыцянь поставил миску, словно не услышав, вытер рот салфеткой, затем поднял глаза и посмотрел на этого маленького хулигана. Внутренне насмехаясь, он с серьёзным выражением лица сказал:

— Вэнь Цзыи, мы с тобой одного поля ягоды.

Вэнь Цзыи на мгновение застыл, не понимая, что происходит, и тут старший брат, с усмешкой на лице, произнёс два слова:

— Свинья.

Младший брат, вспыльчивый по натуре, тут же бросился к нему, пытаясь запугать.

Вэнь Цзыи был из тех, кто кричал: «Веришь, я тебя ударю!», «Повтори, я тебя убью!», «Смотри, я тебя так отделаю, что зубы вылетят!»... Но, несмотря на громкие слова, до действий дело доходило редко.

Старший брат, напротив, говорил мало, но если уж начинал драку, то бил не по лицу, а по мягкому животу.

На этот раз, не дожидаясь, пока младший брат закончит таскать его за одежду, он ударил его кулаком в живот. Вэнь Цзыи чуть не зарыдал от боли, согнувшись и хватая ртом воздух.

Вэнь Цзыцянь встал, смотря на него сверху вниз, и сказал:

— Три дня не бьёшь — на крышу лезет. Видимо, тебя нужно время от времени учить, чтобы ты запомнил, как не лезть ко мне.

<http://bllate.org/book/16224/1457278>